

Ночь на горе Линшань.

Под сенью дерева хайтан, в густом тумане, поднимающемся от горячего источника, Су Ци лежал, положив голову на нефритовый бортик бассейна. Его черные волосы были собраны в прическу, а рука тянулась к падающим лепесткам цветов.

О том, что в глубине горы есть горячий источник, он узнал лишь от А Пу.

С того момента, как он очнулся в теле прежнего владельца, который, судя по всему, давно скончался, первой мыслью Су Ци после того, как он перекусил несколькими плодами духовных растений, было желание искупаться. А Пу и привел его сюда.

Стоило Су Ци вспомнить об А Пу и остальных, как голова начинала идти кругом. Его переселение в этот мир было просто за гранью здравого смысла. Непостижимым образом он внезапно обзавелся мужем и ребенком, причем оба, мягко говоря, не отличались острым умом, а его собственное тело было настолько слабым, что могло отказать в любую секунду.

Впрочем, к счастью, его жизни пока ничто не угрожало. Хуньдунь и А Пу во всем его слушались: стоило ему заикнуться о желании отправиться в мир людей, как Хуньдунь, ни секунды не раздумывая, согласился, словно боялся, что Су Ци уйдет из жизни, так и не исполнив свою мечту.

Честно говоря, предлагая отправиться в мир людей, он, конечно, надеялся, что это поможет прежнему владельцу тела вернуться, но куда больше в этом было личного интереса. Он просто не был создан для роли отшельника, питающегося лишь ветром и росой. Он хотел увидеть мир людей, попробовать вкусную еду, полюбоваться горами и реками — что угодно, лишь бы не гнить в этой глуши, словно аскет.

Только вот... Су Ци погрузил пол-лица в воду, с тоской размышляя о том, что если прежний владелец не вернется, то как долго он сможет прикрываться амнезией? В конце концов, А Пу и Хуньдунь — существа необычайные, и пусть они простоваты, рано или поздно они поймут, что перед ними не тот человек.

А когда это случится...

Су Ци передернуло от холода, и он постарался отогнать эти мысли.

Ладно, будь что будет. Когда представится подходящий момент, он во всем признается.

С этими мыслями Су Ци поправил влажные прядки у висков, поднялся, вышел на берег, вытерся и оделся. После купания он чувствовал себя обновленным, настроение заметно улучшилось, и он, напевая под нос незамысловатую мелодию, отправился обратно.

В это время Хуньдунь в доме забавлялся с проснувшимся Чжоу Чжоу.

Когда Су Ци, распустив волосы и облачившись в простую нижнюю рубаху, появился в дверях, игры отца с сыном были в самом разгаре. Хуньдунь подбрасывал Чжоу Чжоу высоко вверх и уверенно ловил, заставляя малыша заливаться смехом.

Увидев это, Су Ци чуть не хватил удар: Хуньдунь подкидывал ребенка слишком высоко. Если бы Чжоу Чжоу был чуть старше, он бы при каждом прыжке бился головой о балки или пробил бы дыру в потолке. Но Хуньдунь, казалось, ничего не замечал, продолжая смеяться:

— Весело? Нравится? Завтра твой папа возьмет тебя с собой в полет до небес, как тебе такая идея? Ну?

Чжоу Чжоу широко улыбался, демонстрируя свои единственные два зуба, а его глазки превратились в узкие полумесяцы.

Су Ци подумал, что если бы этот мужчина и правда был его мужем, а ребенок — его сыном, он бы лучше нашел место, где можно было бы с разбегу удариться головой о стену. К счастью, это не так. Какое облегчение!

Хуньдунь снова подбросил Чжоу Чжоу, но, повернув голову, увидел в дверях Су Ци. Его глаза засияли, и не успел он ничего сказать, как Су Ци в ужасе воскликнул:

— Ребенок!

— А? — Хуньдунь, не оборачиваясь, выставил руку, чтобы подхватить падающего Чжоу Чжоу, и с улыбкой ответил: — Не волнуйся, супруга, ничего с ним не случится.

Сказав это, Хуньдунь бережно прижал ребенка к себе, демонстрируя его Су Ци. Чжоу Чжоу, увидев Су Ци, тоже сощурился в улыбке.

Малыш был таким нежным и пухлым, словно вылепленным из клейкого риса, с черными влажными глазками и правильными, изящными чертами лица, на восемьдесят процентов повторяющими облик Хуньдуни. Одно только наблюдение за ним вызывало нежность, а когда он смеялся, так и хотелось взять его на руки и зацеловать.

Сердце Су Ци растаяло, и он невольно улыбнулся в ответ.

— Супруга, ты так красиво улыбаешься, — голос Хуньдуни вернул его в реальность. Встретившись взглядом с полными нежности глазами мужа, Су Ци почувствовал, как к лицу прилила кровь.

Он прекрасно знал, насколько хорош собой прежний владелец этого тела — перед тем как пойти купаться, он специально посмотрел в зеркало. Даже А Пу, будучи лишь на семьдесят процентов похожим на него, выглядел настолько ослепительно, что глаз было не отвести. Что уж говорить о самом владельце тела: его красота была настолько завораживающей и бесполой, что одно его движение могло затмить все вокруг.

Раньше Су Ци не верил, что внешность может быть настолько ошеломляющей, но теперь он убедился в этом на собственном опыте. С таким лицом, будь ты хоть мужчиной, хоть женщиной, хоть призраком — ты кого угодно обведешь вокруг пальца.

— У-у... — Су Ци все еще был погружен в мысли о своей красоте, когда Чжоу Чжоу, хлопая влажными глазками, вдруг надул губы и потянулся к нему, пытаясь забраться на руки.

Су Ци инстинктивно отступил на шаг — с чего это вдруг отец с сыном так к нему привязались?

— Чжоу Чжоу, что такое? — спросил Су Ци, глядя, как малыш, готовый вот-вот расплакаться, упорно пытается добраться до него.

— Проголодался, наверное, он ведь целый день ничего не ел, — ответил Хуньдунь.

— Но мне нечем его кормить! — Су Ци поспешно прикрыл грудь. — Где А Пу? Пусть сходит к подножию горы, попросит у фермеров миску овечьего молока для Чжоу Чжоу.

— Супруга, ты забыл? — отозвался Хуньдунь. — А Пу отправился в мир людей, чтобы закупить вещи, необходимые нам для жизни там.

— И что же делать? — Су Ци видел, что Чжоу Чжоу уже готов разрыдаться и почти вываливается из рук отца. Он колебался, стоит ли брать ребенка, но, глядя на то, как малыш устался на его плоскую грудь, сдержал порыв и снова отступил.

— Тогда иди ты! — Хуньдунь с трудом удерживал извивающийся комочек. Увидев, как его супруга отстраняется, он надул губы, но тут же услышал ответ:

— Нет! Как я могу оставить тебя с Чжоу Чжоу одних посреди ночи! — поспешно сказал Хуньдунь. — Хотя на горе Линшань и есть барьер, он не защитит от монстров, вскормленных скверной и обидами. Старик из Наньцзи сказал, что сейчас ты, супруга, подобен бесценному лекарству без капли магической силы: куда бы ты ни пошел, ты притянешь к себе всякую нечисть. Тебе нельзя ни на миг оставаться без защиты.

Су Ци задумался. Кажется, что-то такое он слышал. Тот врач-шарлатан говорил, что он, будучи божественным зверем — фениксом, для нечисти является лакомым куском. Теперь, лишившись духовной силы, он стал словно сочная куриная ножка на блюде, которую любой может проглотить, стоит ему лишь отойти от ауры Хуньдуня или А Пу.

В последние годы, по мере того как в мире людей возрождалась духовная энергия, усиливались и скверна с обидами. Пять великих святых зверей, охраняющих мир, день и ночь трудились, изгоняя нечисть. Су Ци слышал, что это происходит из-за того, что печать, латающая небо, расшатывается все сильнее, а в сердцах людей скапливается слишком много злобы. В этом мире все взаимосвязано: чем больше обид, тем активнее возрождается духовная энергия.

От А Пу он узнал, что в мир людей отправляется все больше божественных зверей. Стоило ему выйти на прогулку, как он тут же встречал пятерых-шестерых старших, которые начинали расспрашивать его о самочувствии, и это вынудило его стать домоседом.

Чжоу Чжоу разразился плачем, вернув Су Ци к реальности. Не в силах больше терпеть, он протянул руки, чтобы забрать ребенка, и спросил:

— И что же делать? Как... как я кормил его раньше?

— Я не знаю... На второй день после рождения Чжоу Чжоу ты ушел. А когда родился А Пу, я попал в беду и погрузился в глубокий сон, а когда проснулся, он уже всю бегал и прыгал, — Хуньдунь передал ребенка Су Ци, почесывая затылок с неловким видом.

Су Ци держал плачущего Чжоу Чжоу, который своими маленькими ручками пытался развязать ворот его одежды, и с головной болью произнес:

— Что же теперь? А как насчет росы? Можно дать ему ее?

Су Ци наконец понял, почему Хуньдунь поил Чжоу Чжоу росой — другого выхода у него просто не было.

— Супруга, сейчас ночь, — смущенно ответил Хуньдунь.

— Фрукты! — Чжоу Чжоу уже грыз воротник рубахи Су Ци. Почувствовав, что ткань намокла от слюней, Су Ци внезапно осенило: — А тот фрукт, который ты мне сегодня давал, еще остался?!

— Да, — поспешно ответил Хуньдунь.

— Разотри его, процеди сок и покорми Чжоу Чжоу! — скомандовал Су Ци, оттаскивая ребенка от своего воротника.

— Хорошо!